

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

ДЕРЗНОВЕНИЯ И ПОКОРНОСТИ ЛЬВА ШЕСТОВА

*Сборник статей научной конференции
к 150-летию со дня рождения философа*

Отв. редактор А. А. Ермичев

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2016

ББК 87.3(2)6

Д36

*Публикация подготовлена в рамках
поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-14154
«Международная научная конференция
ЛЕВ ШЕСТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ
“К 150-летию со дня рождения философа”»
(руководитель проекта проф. А. А. Ермичев)*

Д36 **Дерзновения и покорности Льва Шестова:** Сборник научных статей к 150-летию со дня рождения философа / Отв. ред. А. А. Ермичев. — СПб.: РХГА, 2016. — 240 с.

ISBN 978-5-88812-762-9

В сборнике представлены статьи участников Международной научной конференции «Лев Шестов в контексте современности. К 150-летию со дня рождения философа», которая проходила в Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, 12–13 сентября 2016 г.), в Институте философии РАН и Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва, 15 сентября 2016 г.). В конференции приняли участие философы, историки, богословы, культурологи, религиоведы, представители ведущих вузов, научных учреждений и общественных организаций. В форуме приняли участие коллеги из Франции, Канады и Германии.

В первом разделе сборника авторы рассказывают об общетеоретических проблемах философии Л. Шестова. Во втором разделе актуализируются размышления философа. Третий раздел посвящен взаимодействию идей Л. Шестова с его предшественниками и современниками.

Завершают сборник материалы круглых столов, прошедших в Санкт-Петербурге и Москве.

ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-88812-762-9

© Авторы публикаций, 2016

© РХГА, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
------------------------	---

I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ Л. ШЕСТОВА

<i>Н. Б. Иванов.</i> По ту сторону истины и лжи: на весах Шестова	7
<i>Б. С. Дынин.</i> Странствование Льва Шестова в поисках Бога.	35
<i>Н. А. Касавина.</i> Неизбежность трагического	48
<i>О. Т. Ермишин.</i> Метод Льва Шестова	56
<i>Я. Э. Мановас.</i> Противопоставление философии и веры: условность схемы и безусловность жеста.	73

II В СВЕТЕ ИДЕЙ Л. ШЕСТОВА

<i>О. П. Зубец.</i> Идеи Льва Шестова и этика после Аушвица.	80
<i>В. Ю. Быстров.</i> Лев Шестов и новая религиозность России	94

III Л. ШЕСТОВ И ДРУГИЕ

<i>Е. В. Бессчетнова.</i> «Оправдание Владимира Соловьева»: Шестов против Соловьева.	104
<i>В. К. Кантор.</i> Лев Шестов: переосмысление Достоевского.	114
<i>И. В. Кудрова.</i> Лев Шестов и Марина Цветаева — творческие переклички	132

<i>К. Г. Исупов. Шестов-критик в диалоге с Вяч. Ивановым.</i>	150
<i>А. А. Ермичев. Лев Шестов</i> <i>в отражениях «Современных записок»</i>	155

IV

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

Материалы круглого стола «Лев Шестов в контексте современности».	171
Материалы круглого стола «Лев Шестов и его заслуженные собеседники».	203

ОТ РЕДАКТОРА

В минувшем году Русская христианская гуманитарная академия стала первой площадкой для празднования 150-летнего юбилея Льва Исааковича Шестова (1866–2016). Здесь прошла международная научная конференция «Лев Шестов в контексте современности». Проработав два дня в Петербурге, она переместилась в Москву — в Институт философии РАН и Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына. В те же дни в Петербурге — в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена и в Москве — в Доме-музее Марины Цветаевой открылись большие выставки, посвященные жизненному пути и творчеству философа.

Русская христианская гуманитарная академия с уважением отмечает огромную организационную работу, проведенную в те дни доктором философских наук Татьяной Геннадьевной Щедриной (Москва), благодаря которой стал возможен сборник, предлагаемый читателю.

Ко Льву Исааковичу Шестову (1866–1938) самым полным образом применимы все те характеристики, которыми обычно описывается типичное для русской мысли. Что русская мысль исконно экзистенциальна — о том и упоминать не будем. А следовательно, у Шестова мы обнаруживаем ясно видимый антропоцентризм, идеализм, богоискательство, максимализм в посылках и целях, литературность как форму выражения философского содержания и т. п. Современник и, часто, близкий знакомый и даже друг выдающихся носителей русского духовного ренессанса Лев Шестов после своего бегства из революционной России в 1920 г. становится одним из самых известных представителей русской философии в Европе. В его выступлениях, равно как и в выступлениях Н. А. Бердяева, русская мысль формулирует самый больной вопрос послевоенной Европы — о судьбе человека в современном мире.

Пораженный зрелищем неизбежного одиночества перед лицом непонятной и всегда враждебной к нему Судьбы, Шестов отверг все, чем человечество компенсировало его печальную участь — культуру, философию и даже религию. Он отверг оформленные ими разум и добро, которые могут утешить человека, но бессильны перед бытием Ничто, в котором протекает его существование. В сущности, Шестов — сам бывший порождением высочайшей культуры Серебряного века — не противокультурен, но акультурен. И невольно спрашиваешь о том, что же произошло в бытии, если культура — этот великолепный цветок тысячелетней истории — стала равнодушной к своему творцу.

Итак, ничто не может придать существованию человека нужную прочность и надежду. «Все, что он пишет, — отмечал один из его современников, — читается с захватывающим интересом, но после прочтения на душе остается только щемящее чувство тоски, — той тоски, которую порождают в нас минуты душевной пустоты. Может быть, это чувство есть результат того душевного опустошения, которое этот мыслитель совершает в нашей душе, беспощадно уничтожая и высмеивая всякие верования, идеалы, истины, всякий смысл жизни и все ее цели?»

И вот уставший от беспочвенности Шестов заговорил о, возможно, безответной, но упорной вере в неведомого Бога, который может вернуть Иову его детей, его богатство, его славу.

Как и многие до Шестова, он говорил о противостоянии человека и культуры, но с многожды большей силой, увеличенной его литературным даром и острым, как бритва, умом, то есть способностью к *ratio*, он довел такое противостояние до тупика, подчеркнув его неразрешимость. И что же? Атеисты и верующие, оптимисты и пессимисты принимают Шестова как сигнал и, только так приняв его, по-своему решают его вопросы.

Вот, коротко, о чем мы говорим в своем сборнике и на конференции, если, конечно, не забывать о специальных проблемах «шестовознания», обширно представленных в наших выступлениях.

Редактор сборника — профессор
Русской христианской гуманитарной академии
А. А. Ермичев

III

Л. ШЕСТОВ И ДРУГИЕ

УДК 101.8

Е. В. Бессчетнова*

«ОПРАВДАНИЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА»: ШЕСТОВ ПРОТИВ СОЛОВЬЕВА

Автор в данной статье реконструирует философский диалог Л. Шестова и Вл. Соловьева. Особое внимание уделено работе Л. Шестова «Умозрение и Апокалипсис. Религиозная философия Вл. С. Соловьева», в которой мыслитель через критику идей своего оппонента раскрывает свои взгляды и отношение к господствующим моральным принципам. Шестов не только не принимает христианство как синтез восточной и западной культуры, но и отрицает представление о Христе как Божественном Логосе — Слове, следуя которому человек может познать Бога. В этом был убежден Вл. Соловьев, который следовал формуле Ансельма Кентерберийского «верую, чтобы понимать». Шестов, в свою очередь, руководствуется формулой Тертуллиана «верую, ибо абсурдно».

Ключевые слова: Бог, вера, разум, христианство, логос, Соловьев, Шестов.

E. V. Besschetnova

«JUSTIFICATION OF VLADIMIR SOLOVYOV» SHESTOV CONTRA SOLOVYOV

The author of this article reconstructs the philosophical dialogue of Lev Shestov and Vladimir Solovyov. Particular attention is paid to the work of Lev Shestov «Speculation and Apocalypse. Religious philosophy of Vl. S. Solovyov», in which the thinker through the critique of the ideas of his opponent reveals his views and attitudes to mainstream moral principles. Shestov does not accept Christianity as a synthesis of Eastern and Western culture, and he also denies the idea of Christ as the Divine Logos — the Word, following

* Бессчетнова Елена Валерьевна — кандидат философских наук, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ebesschetnova@hse.ru

which a man can understand God. In this statement was convinced Solovyov, who followed the formula Anselm of Canterbury «credo ut intelligim». Shestov, in turn, is guided by the formula of Tertullian «credo quia absurdum».

Keywords: God, faith, mind, Christianity, logos, Solovyov, Shestov.

Лев Шестов был особенным мыслителем, далеко не в традиционном понимании подобно Гете, Шиллеру, Достоевскому. За всю свою жизнь Шестов не написал ни одного текста, в котором бы изложил свою собственную систему, он занимался интерпретацией чужих работ, по своему собственному утверждению «странствуя по душам», тем самым раскрывая свои собственные идеи. Современная исследовательница очень точно отметила, что целью практически всех исследований Шестова было распознавание в тексте «духовной катастрофы», постигшей его героя [2, с. 138]. Так, пишет ли Шестов о Паскале, Достоевском, Ницше, героях Шекспира, у каждого из них обнаруживается своя личная история творческого кризиса, история борьбы с господством всеобщего разума, история борьбы с «всемством» — главного неприятеля философа. Шестов оправдывает своих героев, так как они умело воссоздают в своих произведениях всю полноту жизни в ее разнообразии со всеми ужасами и страданиями, призывают идти «навстречу жизни», проходя через «великое горе». Но вот, работа о Вл. С. Соловьеве «Умозрение и Апокалипсис: Религиозная философия Владимира Соловьева» (кстати, работа вошла в сборник «Умозрение и Откровение») написана иначе. Она похожа на речь обвинителя в суде, где обвиняемый не только не может рассчитывать на адвоката, но и не имеет возможности сам себя защитить. Зато через отрицание концепции Соловьева читатель может увидеть идеи самого автора.

В «Умозрение и Апокалипсис» Шестов разбирает, по сути, детально разбирает, только несколько работ Соловьева, среди них: «Оправдание добра», «Судьба Пушкина», «Понятие о Боге (в защиту философии Спинозы)» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Первые три работы относятся к переходному этапу от теократического периода к эсхатологическому периоду, а третья является не просто последней работой Соловьева, но и ключевой для понимания всей его философии.

Говоря о работе «Судьба Пушкина», Шестов обвиняет Соловьева, что он без сожаления готов принять смерть гения, обрубить цветущее «древо жизни» если гений не достаточно нравственный человек. Но так ли

это? Соловьев в своей работе описал трагедию гения, который противопоставил себя миру, забыв, что он, как познавший идеал и имеющий особое отношение к действительности, призван «помогать сохранению, росту и торжеству этих добрых начал и через то все более и более сближать действительность с идеалом и в фактах низшей жизни воплощать откровения высшей» [7, с. 42], то есть следовать гениальной формуле самого Пушкина исполнится волею Бога и «глаголом жечь сердца людей». Соловьев полагает, что эстетическое отношение к жизни Пушкина должно было привести его к христианскому пониманию мира. Философ пишет, что

в сознании своего гения и в христианской вере поэт имел бы двойную опору, слишком достаточную, чтобы держаться в жизни на известной высоте, недостижимой для мелкой вражды, клеветы и сплетни, — на высоте, одинаково далекой от нехристианского презрения к ближним и от недостойного уподобления толпе [7, с. 59].

Таким образом, Шестов и Соловьев дают две разные точки зрения на трагедию жизни Пушкина. Для первого она заключается в том, что гений выше мира необходимости, он вынужден противопоставить себя действительности, миру, где господствуют принуждающие законы разума. Гений стремится к свободе и к Богу как источнику абсолютной свободы, ему открываются тайны иного бытия в творчестве и вся полнота настоящей жизни, не ограничивающейся категориями добра и зла. Для Соловьева же трагедия гения заключается в его собственном противопоставлении себя миру и в скрытой борьбе с ним, вместо того, чтобы, следуя своему предназначению, нести в себе свет Божественного логоса и приумножать идеал в мире.

Теперь же обратимся к книге Соловьева «Оправдание добра», написанной в 1897 году. В ней философ обращается к обоснованию понятия «нравственная философия». В основе работы лежит, как пишет Соловьев

всеобщая разумная идея добра, действующая через сознание безусловного долга быть ей сообразным: человек может делать добро помимо всяких отношений к приятному и неприятному, ради самого существования добра как такого, или как, безусловно, превосходного. — Понятие нравственной необходимости, или — что то же — разумной свободы [6, с. 25].

Философские построения Соловьева, данные в «Оправдании добра», — это именно те идеи «разумного понимания», с которыми борол-

ся Шестов, утверждая в своей работе, что его оппонент главной своей задачей ставит оправдание Откровения перед разумом, он пишет, что Соловьев

убежден, что Библию нужно повести на суд разума. — Много есть ведь священных книг, как и много религий; должен, стало быть, существовать какой-нибудь беспристрастный и бесстрастный судья, который нам скажет, какая из священных книг настоящая и какая религия — истинная [9, с. 521].

Но в действительности Соловьев хотел убедить тех, кто отказывается принимать Откровение, тех, кто не верит в него, что, несмотря на это, они должны хотя бы осознать, что моральные принципы и правила, в нем заложенные, являются теми единственно возможными для строительства правильных отношений в обществе. «Оправдание добра», на мой взгляд, — это последняя попытка, я бы даже сказала последняя надежда Соловьева показать, что добро фундаментально и в этом мире. Кроме этого, основная цель работы заключается в указании на необходимые инструменты для формирования справедливого общества, такие инструменты, которые способны сдерживать существующий мир от падения в пропасть и от превращения в Ад. Соловьев делает это на языке западноевропейской философии, как бы сказал Шестов — на языке Афин, отсылая нас к всеобщим нравственным основам, из которых разум выводит нравственные принципы и понятия, делая это почти как Кант. В действительности это была попытка объяснить значимость христианских ценностей и христианской политики в построении общества в тот самый кризисный для христианства период, когда господствовали идеи Ницше, Маркса и позитивистов. Н. А. Бердяев отметил:

Он [Соловьев] исходит из кризиса современной безбожной цивилизации, из кризиса позитивизма, который она породила в сознании, и кризиса социализма, который она породила в жизни общественной. Он хочет религиозно преодолеть этот кризис... [2, с. 689].

Шестов же в свой очередь в «Умозрение и Апокалипсис», не принимая и критикуя идеи Соловьева, не принимает христианство как синтез культуры Востока и культуры Запада, или же используя терминологию Тертуллиана, а в след за ним и самого Шестова — Афин и Иерусалима. По сути, философ восстает против эллинского духа в Священном Писании, то есть против представления о Христе как воплощенном Логосе,

Божественном слове — посреднике Бога в мире. Для Шестова понятие Логоса как одного из основных понятий древнегреческой философии, которое Гераклит определил как вечную и всеобщую необходимость, должно быть устранено из жизни человека и его взаимоотношений с Богом.

Оба мыслителя были богоискателями, но выбрали не только разные траектории, но и цели. Шестов искал Бога, находящегося сверх разума. Его Бог — это трансцендентный Бог-творец. Шестов был уверен, что Бога познать невозможно, разум и вера понятия не сопоставимые. Вера — это само событие утраты человеком «твердости, правил, почвы» и переход в иной мир, находящийся за рамками человеческого опыта и познания. Вера отрицательна — это утрата, разрыв, отречение, переворот. Только вера может привести человека к Богу, который находится вне этого мира, по ту сторону добра и зла. Шестов отрицает те состояния, которые не есть Бог, и говорит, что Бог не добро, не сострадание, не любовь и в итоге призывает отречься от существующего понимания Бога, идя по пути, открытом Ницше. Иными словами, он говорит о том, что следует переоценить все существующие ценности официального мира и направить свой взор выше истины, добра и блага, так как именно только там возможно найти Бога. А чтобы Его найти, необходимо отказаться от разума, освободиться от его физического принуждения. Шестов исходит из того, что мышление, вечные истины, знание берут свое начало от первородного греха, они сковывают все сущее в мире, мешают его раскрытию, и только вера дарует свободу, так как она не есть знание, а есть экзистенциальный акт бытия. Благодаря данному акту «невозможное становится возможным, и этой силою бывшее может стать небывшим, а несуществующее существующим, — вопреки разуму, силою Абсурда» [3, с. 534]. Так и хочется сказать, что Шестов следует формуле Тертуллиана: верую, ибо абсурдно. Философ радикально противопоставляет знание и веру, для него вера не только не есть низший род знания, вера отменяет его. С. Н. Булгаков совершенно точно отметил: «Шестов рубит головы мыслителей, от древнего времени до нового, но вместе с ними и самую мысль» [3, с. 534].

Соловьев же, напротив, идет по другому пути, он исходит из формулы Ансельма Кентерберийского — верую, чтобы понимать, а также следуя призыву Августина всмотреться во внутреннего человека, так как истина живет в нем. В данном контексте стоит упомянуть слова Этьена Жильсона, который писал: «Мы знаем, сколь сильно Августин восхищался и был признателен философам, которые, как он считал, привели его к христи-

анской вере и в книгах которых он находил самое существенное содержание христианства» [4, с. 85]. Эти слова справедливы и для восприятия личности Соловьева.

Философа называли рыцарем Софии (Премудрости Божьей), и только в контексте его учения о Софии можно понять всю полноту его концепции. Соловьев определил «Софию Божества» как единую субстанцию божественной Троицы, абсолютное единство, образующее мудрость. Стоит отметить, что Премудрость, София в Ветхом Завете — это олицетворенная мудрость Бога, несущая свет человеку. Во Второзаконии сказано:

Самый прозаичный здравый смысл, ограждающий человека от глупостей и безумств в каждодневной жизни, имеет высшей задачей оградить от греха. Премудрость проявляется в точном следовании Торе и на шкале ценностей почти совпадает с Торой. «Вот, — обращается Моисей к народу, — я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой. <...> Итак, храните и исполняйте их; ибо в этом мудрость ваша и разум ваш перед глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: «только этот великий народ есть народ мудрый и разумный (Втор 4: 5–6).

У Соловьева София-Премудрость едина и с сущим Богом, и с Логосом. Философ, основываясь на Святом Писании, полагал, что истина и свет разума исходят именно от Бога. Мышление истину не создает, оно находит ее готовой, ибо сказано в Первом послании Иоанна:

«А если ты не понимаешь, что я говорю, или сомневаешься, верно ли все это, обрати внимание на то, не сомневаешься ли ты в самом этом своем сомнении, и если верно, что сомневаешься, разбери, отчего оно верно; в этом случае тебе навстречу идет свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в сей мир» (1 Иоан. 1, 9), и далее «Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум» (1 Иоан. 5, 20).

Для Соловьева семя истины — это рождение в Иудее Божественного Логоса, соединенного с человеческой душой. Специфическое отличие христианства от других религий в учении Христа о Себе самом, в Боге, пришедшем мир, в «Боге живом». В свою очередь для Шестова Христос, не воплотившийся Бог, который несет свет Истины, а «совершеннейший из людей», и единственный человек, в полной мере открывший для себя трансцендентного Бога, переживший особый опыт экзистенциального общения с Богом. Н. К. Бонецкая очень точно отметила, что Шестова при-

влекает «Христос страждущий», Христос Гефсиманской ночи — человек перед лицом смерти, «человек над бездной». По мнению исследовательницы, Гефсиманская молитва о чаше — это указание на неизбежный для каждого человека предсмертный ужас и переживание последнего одиночества. Шестов не случайно главный акцент своей работы «Гефсиманская ночь» делает на высказывании Паскаля: «Иисус будет в смертных муках до конца мира, — не должно спать это время» [2, с. 140]. Для Шестова это означает, что Христос страдает в каждом человеке, и что при общении с Богом человек не нуждается в посредниках. Шестов критикует Церковь, не замечающую страданий мира и отрекшуюся от Бога, символично ссылаясь на апостола Петра, заснувшего в Гефсиманскую ночь и позже трижды отрекшегося от Христа.

Итак, для Шестова важен лишь личный опыт Христа, но у него нет ни слова о свободной любви к Христу, в то время как для Соловьева, напротив, такая любовь есть основа христианства, всепобеждающая сила которой никогда не угасала для мыслителя. С. М. Соловьев Э. Жильсон писал:

Соловьев стремился не выявлять свою личность, а пахать и строить на камне. Считая любовь зиждительным и организующим началом жизни, он искал осуществления этой любви через философский синтез и общественную справедливость. Синтез духовного и материального, Востока и Запада, России и Европы, православия и католицизма — вот что всего характернее для Соловьева [5, с. 68].

Получается, что главный пункт обвинения Соловьева со стороны Шестова — это приверженность первого к умозрительной философии (под умозрением Шестов понимает умное зрение, которое заключается в том, что человек видит в себе часть единого целого) несостоятелен, так пропускается одна важная составляющая. Вспомним аргументы Шестова. Философ полагает, что для умозрительной философии смыслом всего существования человека является его «назначение» — безропотно и даже радостно сообразовать свою жизнь с бытием целого. То есть, таким образом, появляется понятие положительного всеединства. По мнению Шестова,

идея всеединства, идея целого, объединяющего бесконечное множество частей, стала и доныне остается основоположением философии. «Объяс-

нить», «понять» мироздание значит показать, что все части, из которых оно состоит — и живые люди, и неодушевленные предметы, имеют чисто служебное назначение — они должны слушаться, подчиняться, повиноваться [9, с. 516].

А подчиняются они вечным, неизменным законам, истине, которая становится для них выше всего, в том числе и Бога. Вот в этом и есть действительная опасность. Есть вероятность, соблазн появления различных истин, различных правд с неизвестным основанием. Соловьев же был убежден, что истина заключена в Божественном слове, воплощенном в Богочеловеке, то есть во Христе, и соответственно не может быть от него отделена или поставлена выше Бога.

Шестов пишет, что Соловьев допускает ошибку, следуя за Шеллингом, утверждает, что «Бог есть “связь сил”» и далее: «больше всего он боится, как бы эта связь не распалась. Оттого он ополчается на самость с ее своеволием» [9, с. 509]. Шестов убежден, что Соловьев подменяет понятия, ведь своеволие не имеет ничего общего с жадной неограниченного господства. Философ писал:

Самость действительно своевольна, своеволие ее родная, изначальная стихия. Но своеволие ничего общего не имеет с жадной неограниченного господства. Как раз наоборот, своеволие, и именно то своеволие, которое мы наблюдаем в живом человеке (т. е., по Шеллингу, в самости), тяготеет к господству. И если иногда бывает иное, то это, так сказать, уже позднейшая формация, точнее деформация самости. К господству тянутся иные силы — прямо противоположные самости, то, что называется общими принципами и началами [9, с. 509].

Своеволие — это собственная свободная воля субъекта — способность человеку самому решать, где добро, а где зло. Отмечу, что философ пишет именно решать, а не выбирать. И здесь видится искушение самого Шестова, он говорит о некоем сверхчеловеке, который находится в ином порядке бытия и руководствуется ценностями, отличными от общепринятых. Соловьев же, в свою очередь, очень наглядно показал в «Краткой Повести об Антихристе», когда и как воля одного способна стремиться к господству. Философ, долгое время полагававший, что человек при помощи Бога может перерасти в нечто Высшее, показал, что чаще даже талантливый и пронизательный человек просто слово Божье не хочет

слышать, ему комфортнее, выгоднее пойти за иными силами. Так, «грядущий человек» в «Краткой повести» стал больше, чем просто человеком, благодаря покровительству дьявола. Соловьев описал «грядущего человека» следующим образом:

Он был еще юн, но благодаря своей высокой гениальности к тридцати трем годам широко прославился как великий мыслитель, писатель и общественный деятель. Сознывая в самом себе великую силу духа, он был всегда убежденным спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он верил, но любил он только одного себя. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя. Он верил в Добро, но всевидящее око Вечности знало, что этот человек преклонится перед злою силою, лишь только она подкупит его — не обманом чувств и низких страстей и даже не высокою приманкой власти, а чрез одно безмерное самолюбие [8, с. 150].

«Три разговора» — это действительно работа, в которой Соловьев переосмысляет свои предыдущие идеи. Но дело не в том, как полагал Шестов, что он осознал, что подчинение живого человека высшим всеобщим законам ведет к ограничению его свободы и царству тотального принуждения. В конце творческого пути у Соловьева появляется онтологическое, метафизическое понимание зла, врастающего в основы бытия, и одновременно с этим предчувствие прихода Антихриста и близкого «конца истории» становится основным экзистенциальным ощущением. Соловьев угадал, что зло будет исходить от «подпольного человека», готового пожертвовать миром вокруг себя ради своей собственной спокойной и размеренной жизни. Философ в своей последней работе также указывает на то, что опасность будет исходить от человека, который настолько увлечется поисками свободы по ту сторону добра и зла, что забудет тот факт, что в этом мире он не одинок, что он является частью единого человечества. Все основные идеи Соловьева, вслед за Данте, были направлены на сохранение и поддержание всеобщего мира, *la pace universale*, если использовать терминологию итальянского мыслителя. Шестов же, в свою очередь, призывая к переоценке добра и зла и ставя на пьедестал не просто конкретную личность, но борющихся с категорическим императивом злодеев, каторжников и подпольных людей, не дает никакой альтернативы традиционной морали как средства, поддерживающего мирное существование человечества без массового помрачения умов, тотального террора и убийств. Н. А. Бер-

даев очень точно написал об этическом выборе Шестова: «В действительности, когда грешный человек пытается стать по ту сторону добра и зла, отвергнуть разум и добро <...> он остается “по сю сторону”, остается во зле» [1, с. 102].

В свою очередь, Соловьев почувствовал, да и понимал, в конце концов, что всех людей в праведников не превратить, что добро существует для всех, но не все в состоянии его принять. А всеединство, основанное на любви, неизбежно приведет к господству Антихриста, как только любовь к Богу будет заменена на любовь к себе. К завершению своей жизни Соловьев утратил веру в постепенно-поступательное становление Богочеловечества на земле. Философ в своей последней работе показал, что история мира близится к отрицательному концу. Но для мыслителя как для человека истинно верующего во Христа конец никогда не мог иметь всепобеждающую силу, конец всегда был началом нового истинного бытия.

Да, Соловьев был проектантом, чей проект в итоге не сработал и превратился в утопию, но при этом идеал для него всегда оставался прежним, он видел смысл истории, преодоление ее бед в верности человека духовным основам европейской культуры, т. е. христианству. И в контексте становления человеческой личности, ее духовности христианская идея оказалась необычайно продуктивной.

Литература

1. Бердяев Н. А. Древо жизни и древо познания // Путь. Париж, 1929. № 18.
2. Бердяев Н. А. Основная идея Вл. Соловьева // Вл. С. Соловьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. Т. 2.
3. Бонецкая Н. К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
4. Булгаков С. Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. И. Шестова // Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука, 1993. Т. 1.
5. Жильсон Э. Учение Декарта о свободе и теологи // Жильсон Э. Избранное: Христианская философия. М.: РОССПЭН, 1984.
6. Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция (отрывок) // Вл. С. Соловьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. Т. 2.
7. Соловьев Вл. С. Оправдание добра. М.: Академический проект, 2000.
8. Соловьев Вл. С. Судьба Пушкина // Собрание сочинений Вл. С. Соловьева под ред. и прим. Соловьева С. М., Радлова Э. Л. СПб.: Общественная польза, 1903.

9. Соловьев Вл. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. и с прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: 1911–1914. Т. 10.
10. Шестов Л. И. Умозрение и Апокалипсис. Религиозная философия Вл. С. Соловьева // Вл. С. Соловьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. Т. 2.

УДК 101.8

В. К. Кантор*

ЛЕВ ШЕСТОВ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО

Автор анализирует размышления Л. Шестова о творчестве Ф. Достоевского. В статье обосновывается мысль, что Шестов безосновательно отождествил писателя с персонажами его произведений, в частности с персонажами «Записок из подполья», и недооценил христианские убеждения Достоевского. Основанием для этого являлся иррационализм Шестова и его неверие в благую волю Творца.

Ключевые слова: Шестов, Достоевский, разум, иррационализм, подпольный человек.

V. K. Kantor

LEV SHESTOV: DOSTOEVSKY RETHINKING

The author analyses Leo Shestov's thoughts on F. Dostoevsky's work. The idea substantiated in the article is that Shestov with no basis identifies the writer with his characters, in particular the ones from «Notes From Underground» and underestimates Dostoevsky's Christian convictions. This is based on Shestov's irrationalism and his misbelief in the good will of the Lord.

Keywords: Shestov, Dostoevsky, mind, irrationalism, «man from underground».

Достоевский стал явлением в русской культуре, еще точнее, явлением русской культуры. Осознанно это было, как и водится, далеко не сразу. Да, Белинский расхвалил «Бедных людей», сказав, что автор сумел по-

* Кантор Владимир Карлович — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; vlkantor@mail.ru

Научное издание

**ДЕРЗНОВЕНИЯ
И ПОКОРНОСТИ
ЛЬВА ШЕСТОВА**

*Сборник статей научной конференции
к 150-летию со дня рождения философа*

Отв. редактор *А. А. Ермичев*

Директор издательства *Р. В. Светлов*
Заведующий редакцией *В. Н. Подгорбунских*
Корректор *С. А. Авдеев*
Верстка *О. Н. Кукушкиной*

Подписано в печать 23.09.2016. Формат 60×84^{1/16}.
Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,00.
Тираж 300 экз. Заказ №1206

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
Факс: (812) 571–30–75; тел.: (812) 310–79–29
e-mail: editor@rhga.ru. URL: <http://www.irhga.ru>

Отпечатано в типографии «ПОЛИКОНА»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199